

ТАТЬЯНА РИЗДВЕНКО

Я здесь стесняюсь жить, хотя
чего там, все живут.
На верхотуру в темноте
вползают и живут;
погоды видят серый край
с утра наискосок,
и убегают по утрам
подалее от греха.
А ночью незаметно спят,
не видно - где и с кем.
А днём размашисто идут
по улице Тверской.
По Красной площади идут,
идут по Гоголям,
и припадают, как к родным,
ко всем своим Кремлям.
Но комплекс пасынка им жжёт
высокое чело.
И снова ехать ночевать
в бетонное село -
пни из помойки корчевать,
пока не замело.
1996

Растительные старички -
наверно, где-то в мезозое
сияли почки и стручки
на этом нынешнем позоре.

Одна знакомая моя,
под общим побывав наркозом,
пересказала, не тая,
эффект, присущий средним дозам.

Она упала как на дно
в свою мучительную старость.
А может - впрочем, всё равно -
ей доза большая досталась.

Была телесная тоска,
и всюду золотая плитка;
на расстоянии броска
скрипела чёрная калитка.

Моя знакомая в конце
невероятного рассказа,
волнуясь, вывела концепт,
ко мне прилипший, как зараза:

"Когда померкнут телеса,
когда поникнут ветви духа, -
какая прянет в небеса
замысловатая старуха!"

Проходят толпы пустяков по полю твоему.
сообщают пищу и ночлег таланту и уму,
чтоб в промежуточных трудах забылася душа,
неполною грудью своей волнуясь и дыша.

И нету ни одной сквозной взволнованной дыры,
где проплывают и кипят пространства и миры,
где высока цена словам, и то лишь одному,
где назначается костёр таланту и уму.
Покуда ж, милый человек, справляет мелкий бес
свою лихую канитель в полметре от небес.
А ты стоишь на голове и скачешь на ноге.
И выступает Божий дар, как соль на сапоге.
1996

НЕМОТА

Координатор пицци и питья,
язык молчит, физической работе
отдавший жизнь, справляющий досуг
в сочувствии разнузданной зевоте.

Заряженный всего на 20 лет,
смеявшийся-болтавший-лепетавший,
язык молчит, как будто вдруг ослеп
огонь ума, мяса его питавший.

Ни Бэ, ни Мэ. Обходят стороной
сей тихий угол звуки и понятия.
Два ангела - забвенья и покоя -
справляют здесь античные объятья.

Но так зрачки встревожены и так
трепещет ухо в поисках сигнала,
что кажется: мгновенье, и опять!..
Но всё пропало, в сущности, пропало.
1995

Как смертен человек и хрупок,
как много в нём прозрачных трубок,
в которых жидкости кипят
и жизни вишенку кропят.
Густые сыворотки детства
и поздней зрелости вода,
и правит вечное соседство
окоченевших глаз слюда.

А вот сугроб по Ярославке,
замёрзший мальчик в нём лежит.
Милицанера областного
рука - глаза ему смежит.
Высокий мальчик и кудрявый
лежит избитый под кустом.
Его два друга опознают
в морозном морге областном.

С последней выпасть электрички,
и в дачи жаркие скрестись,
пока стрекочет по привычке
подостывающая жизнь.
И удовольствоваться синим
сугробом, странным в ноябре.
А дальше ничего не видно
ни нам, ни птицам на заре.
1995

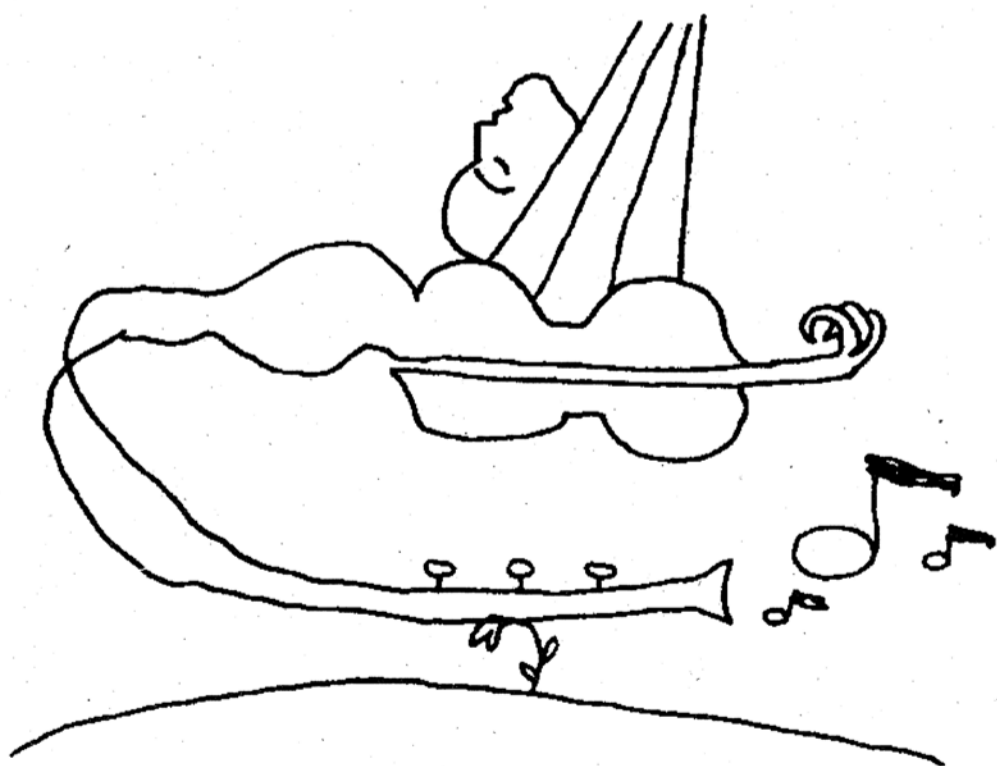
Акулий зуб, коралл и чёрный оникс
висят себе гуськом,
глядят они спокойным безмятежным
этническим глазком.
И этой комбинацией нехитрой
такую красоту
являют оку, схваченному линзой,
с трещоткой на хвосту.
Разнообразным всяческим глаголом
набита голова,
а тут висят себе в восторге голом
чистейшие слова -
ориентальным сдержанным намёком,
безделкой, пустяком,
меж суетливым восхищённым оком
и русским языком.
1993

из цикла "НЕДЕТСКИЕ СТИХИ"

Респектабельный и тихий
этот города район.
Никогда не убивают,
не насильничают в нём.
Лишь порой, в одной квартире,
в час, когда крепчает ночь
там последними словами
кроет мать дебилку-дочь:
поражённую безумьем
оплывающую свечь,
не умеющую толком
слово голосом облечь.
Мать шипит про дармоедство
и кричит про тяжкий крест,
и злоешие флюиды
расползаются окрест.
Вот такие вот сюжеты
сквозь картонную стену,
я услышала однажды,
отходящая ко сну.
Да какой там сон, куда там,
коль поедены червем
и душа и тело дома,
и солидный окоем.
А вообще-то здесь шикарно,
среди породистых аллей,
среди безногих и безруких
серебристых тополей.

Мечты точёной акробатки,
чей гибок стан и ножки гладки -
они свиваются в круги
и мускулистые восьмёрки,
но ты помыслить не моги
её оставить без опоры.
Ты не завидуй, что в трико
так грудь волнуется легко,
и пляшут клавиши ключиц,
и идеальный позвоночник,
как вдохновения источник,
как вздох влюблённых голубиц.
Она как девочка на шаре,
а ты совсем наоборот -
в ночном классическом кошмаре
случайно встреченный урод.

Загогулина реки,
над которой проезжаем,
тёплым йодом, крепким чаем
налита, и рыбаки -
что в ней ловят, мы не знаем.
Ни селёдки-отщепенки,
ни плутовочка-плотва,
ни морская их братва -
саблезубые муренки
здесь не водятся отнюдь.
Здесь живёт другая людь:
плоскогрудые русалки,
сандалеты, башмаки
и скелет землечерпалки
в недрах водятся реки.
Три утопленника пьяных,
три утопших от любви
на подводных на полянах
обсуждают се ля ви.
Есть заманчивая прелесть
в этой сдержанной реке.
А залезть бы в эту прелесть
с камнем слипшимся в руке
и верёвкой на суке.
Но слабо тебе и мне.
Наши жидкие поступки
и говна толченья в ступке
соразмерны нам вполне.
Пусть река течёт в окне.
1995

Viksten

Ханс Викстен. Музыка над рекою Юснан (Северная Швеция).
Автолитография.